
О ПОСЛЕВОЕННОМ СТАЛИНГРАДЕ

Жизнь Анатолия Степановича Скрипкина, профессора, доктора исторических наук, прочно связана с нашим городом. Он здесь с первого класса учился в школе, служил в армии, закончил исторический факультет Волгоградского пединститута и работал в нем лаборантом, ассистентом, доцентом, заведующим кафедрой. Потом стал первым преподавателем Волгоградского государственного университета и принял самое активное участие в его становлении. В настоящее время Анатолий Степанович заведует кафедрой археологии, древней и средневековой истории ВолГУ.

Наша семья обосновалась в Сталинграде в 1947 году. Жили мы раньше в селе Нижняя Глебовка Кушевского района Краснодарского края. Там моя родина, там родились мои родители, там жили мои дедушки и бабушки, там в ноябре 1940 г. родился и я. Резкие коррективы в судьбу нашей семьи внесла война. Отец Степан Иванович был призван в армию и сначала принимал участие в военном конфликте с японцами на Дальнем Востоке в 1937 г., а в 1941 г. был отправлен на германский фронт. В том же году он попал в плен к немцам и отправлен в Германию. Отец часто рассказывал о том, как это случилось и о своем житье в плену. В самом начале войны немецкая армия имела подавляющее преимущество по всему фронту. Отец начал войну в составе танкового подразделения, он был командиром легкого танка. Занятая ими позиция (сейчас уже не помню, где это точно произошло) была быстро подавлена превосходящими силами немецких войск. Отец был контужен. Когда он пришел в себя, то увидел вокруг немецких автоматчиков на мотоциклах, которые шутили и много смеялись, рассматривая разбитую технику, убитых и раненых солдат. Немцы собрали тех, кто мог стоять, построили их, и потом немецкий офицер объявил им, чтобы они шли к своим мамкам. После чего немцы расселись по мотоциклам и укатили, а наши солдаты побрели вслед за ними, ориентируясь на восток. Постепенно к ним стали присоединяться другие наши солдаты, попавшие в окружение. Идти днем стало опасно, шли ночью. Однажды днем они решили передохнуть в заброшенном амбаре

на краю какого-то села, но, по чьему-то доносу, их окружила специальная немецкая команда, после чего всех доставили на железнодорожную станцию и оттуда в вагонах отправили в Германию.

Освободили отца американские танкисты. Он, будучи в общем-то деревенским парнем, был очень удивлен, когда увидел черную физиономию американского танкиста, показавшуюся из люка танка. Первое, что пришло ему в голову, — в американских танках внутри много копоты. Ведь он никогда не видел негров.

Не поддавшись на агитацию американцев уехать работать в Америку, вместе с другими освобожденными военнопленными, он был передан советской стороне. Известно, что многие наши военнопленные, освобожденные из немецкого плена, попали в советские лагеря. Отец был зачислен в спецконтингент и направлен на восстановление Сталинграда.

В разрушенном до основания Сталинграде и вокруг него осталось очень много разбитой или просто брошенной техники. Я сейчас точно не знаю, с чего началось, но отца часто привлекали к ее восстановлению. Он быстро прослыл первоклассным специалистом по этой части. Его определили работать в одно из сформированных в городе автохозяйств. Многим начальникам он восстановил трофейные легковые автомобили. У отца были какие-то выдающиеся способности к технике, это притом, что образования он никакого не имел. Документ об окончании начальной школы ему выдали заочно, это было необходимо для поступления в школу тракторных бригадиров, которую

он закончил до войны в г. Майкопе. Это было единственное учебное заведение, в котором он обучался от начала до конца. А с первого класса сельской школы его забрал отец, мой дед, сказав, что нечего просиживать штаны, надо помогать по хозяйству, пасти телят. Отец говорил, что ему всегда хотелось учиться, но ему не повезло. Уже будучи взрослым, меня всегда удивляло какое-то интуитивное чувство и понимание, которым обладал отец в отношении разнообразия техники. Дома он чинил все, начиная от утюга и кончая холодильником и телевизором.

Благодаря в первую очередь этим качествам он довольно быстро получил «вольную». Первое его желание было быстрее вернуться домой, где его ждали мать, жена и малолетний сын. Но начальство автохозяйства не хотело его отпускать, пообещав помочь с устройством семьи в Сталинграде. Ему дали возможность съездить домой. Оценив обстановку дома, где колхозное хозяйство находилось в полном развале, он принял решение перевезти нас с матерью в Сталинград.

Таким образом, весной 1947 г. я стал сталинградцем, мне было полных шесть лет. Резкая смена обстановки, переезд из деревни в город запечатлели в моей памяти многие картины и события, которые я отчетливо помню и сейчас. Первым местом нашего проживания в Сталинграде была мельница Гергарда, которая в прежнем виде включена в комплекс музея, посвященного Сталинградской битве. В 1947 г. это было одно из наиболее уцелевших зданий в городе. Нас поселили на втором этаже в просторной комнате, где проживало более десятка семей. Каждый семейный угол состоял из двухэтажной железной койки и расположенных рядом узлов. Теперь я понимаю, что это были достаточно сносные условия. Люди в полностью разрушенном городе устраивались жить, кто как мог: в подбитых самолетах и даже танках. Почти в центре города, рядом с железной дорогой, где-то между нынешними Привокзальным мостом и автовокзалом, долгое время лежал подбитый транспортный самолет с хорошо сохранившимся корпусом и даже окнами. В нем жили люди, рядом бегали и играли дети, сушилось белье. Когда я уже работал в педагогическом институте, то узнал, что один из моих коллег

жил в этом самолете. Люди селились в блиндажах, оставшихся после войны. Я, помню, подружился и часто играл с ребяташками моего возраста, которые жили в блиндажах на склонах волжского берега, прямо под мельницей. Запомнилась дверь в одном из таких блиндажей от трофейного «мерседеса».

Центральная часть города, в которой прошло все мое детство, представляла из себя груды развалин с останками стен, реже с частично сохранившимися коробками зданий. Часто из под куч камня, обрушившихся панелей поднимался дымок, — значит, там кто-то жил, расчистив подвал или загородив из подручных средств какой-то для себя угол. Днем можно было подняться на верхние этажи мельницы, в которой мы жили, и наблюдать, что происходит на рынке, который находился на том же месте, что и сейчас.

Помню, мне деревенского мальчишку, росшему среди подсолнухов, кукурузы, лопухов и лебеды, было непривычно видеть везде обугленную землю и отсутствие зелени. Создавалось впечатление, что земля долго горела, везде под ногами был черный шлак.

Но город понемногу начинал благоустраиваться, если, вообще, можно употребить это слово по отношению к тому времени. Были расчищены пешеходные дороги, развалины, бригадой Черкасовой был восстановлен дом Павлова. Люди писали углем на стенах разрушенных домов: «Мы возродим тебя из руин и пепла, родной Сталинград!». На центральной площади, где сейчас находится гостиница «Волгоград», в сохранившейся коробке здания был устроен кинотеатр, кажется, он назывался «Комсомолец». Первый свой фильм я увидел именно в этом кинотеатре. Собиралась после боев в Сталинграде и вокруг него и свозилась на специально отведенные места разбитая техника. На стадион «Динамо» свозились самолеты; вдоль железной дороги, огибающей Мамаев курган, стаскивались танки; вдоль Волги, в пределах сегодняшнего Центрального района, была железная дорога, на которой стояла длинная вереница поврежденных паровозов. Там, где сейчас располагается мелиоративный техникум, большая территория, огражденная колючей проволокой, была заполнена разбитыми автомобилями. Стрелковое оружие свозилось к копровому цеху,

который находился перед заводом «Красный Октябрь», гигантские кучи из винтовок, пулеметов, ракетниц и прочего «добра» тянулись по высокому берегу вдоль Волги. Чтобы этим оружием нельзя было воспользоваться, затворы из него были изъяты.

Была еще одна специфика жизни в послевоенном Сталинграде. В городе оставалось очень много мин, снарядов, авиационных бомб и всего другого, что угрожало жизни людей. Война все дальше уходила в прошлое, а люди продолжали гибнуть, особенно дети. Я сам был свидетелем гибели своих сверстников, виной чему зачастую было простое детское любопытство. Земля сталинградская была буквально напшигована всем тем, что в любое время могло взорваться. Вот несколько эпизодов, сохранившихся в памяти. Мы уже жили в поселке «Второй километр», рядом с Мамаевым курганом. Соседка тетя Дуся, вскапывая уже не в первый раз огород, обнаружила мину от миномета. Приехавшие саперы нашли на ее огороде еще 20 мин. Другой наш сосед часто рвал свои ботинки о торчащую в его дворе железку, когда это случилось с ним в очередной раз, он взял лопату и решил выкопать ее. Через некоторое время в его раскопе начал вырисовываться стабилизатор большой бомбы. Приехавшие опять саперы выкопали яму размером во весь двор. Они же обнаружили еще одну находку. На пустыре, вокруг которого кучно располагались дома жителей поселка, была обширная двойная воронка, напоминающая цифру 8, на дне ее находилась какая-то железная конструкция, напоминавшая раму машины. Эта яма была любимым местом, где мы играли в разные игры, весной, когда яма заполнялась водой, устраивали морские сражения. Так вот, в этой яме саперы обнаружили несколько ящиков со снарядами.

С наступлением осени жить в разрушенной мельнице становилось все труднее. Нас переселили на упомянутый выше «Второй километр». Этот поселок в большинстве своем состоял из деревянных щитовых домиков, которые почему-то называли «финскими». Небольшие были рассчитаны на две семьи, побольше — на четыре. Контингент жителей был достаточно пестрым, в основном переселенцы из разных мест, большинство из которых были так называемые репатрианты.

В школу я пошел в 1948 г., т. к. в 1947 г. мне не было полных семи лет. Приняли меня в семилетнюю школу № 41. Здание этой школы было построено еще до войны, и его коробка, в основном, сохранилась после боев в Сталинграде. Видимо, ее сперва немного подремонтировали, и в школе начались занятия. Помню, еще в 1947 г. меня в школу приводили мои друзья, которые учились в первом или втором классах. Пробоины в стенах школы были наспех заделаны кирпичом, в одном из классов на втором этаже в полу была большая дыра, видимо, пробитая снарядом. В классах не хватало парт, сидели иногда на простых скамейках, даже на досках.

Мне повезло гораздо больше, чем моим старшим товарищам. К сентябрю 1948 г. школу капитально отремонтировали, практически построили заново. Первоклассники пришли в новую школу, это была одна из немногих отстроенных к тому времени школ в Сталинграде, хотя трудностей, связанных с учебой, было много. Тетради выдавали по разнарядке, учебники после окончания учебного года сдавались и затем заново перераспределялись. Ходили в школу с сумочками, сшитыми мамами. Были проблемы с одеждой. Помню, некоторые носили ботинки, сшитые из грубого брезента на деревянной подошве, которая не сгибалась.

Время было очень трудное, не хватало продуктов, были проблемы с топливом и даже водой. Основными продуктами питания были хлеб, мука и разные крупы, но просто пойти и купить все это в магазине было невозможно. Продукты выдавались по карточкам, да и тогда, когда была проведена денежная реформа, достать что-либо в магазине можно было только выстояв долгое время в очереди, причем не час или два, а сутки и более. Нас, детей, родители оставляли у магазинов дежурить до самой поздней ночи, потому что, если в магазин что-то завозилось, сразу начинали пересчитывать очередь заново. Каждый знал свой номер, мы его записывали себе на руке химическим карандашом. «Второй километр» от центра города расположен недалеко, но в весенне-осеннее время добраться туда было сложно, асфальтовой дороги не было, а по грунтовке в слякоть проехать было сложно. Наш продуктовый магазин находился на ок-

раине поселка, далее на километр-полтора был пустырь, через который шла дорога «жизни», по ней «ЗИС-5» с будкой, выкрашенной в зеленый цвет, завозил хлеб. Люди, ждавшие этот завоз, постоянно вглядывались вдаль, когда же появится этот «зисок», и самым сокровенным был чей-нибудь крик: «Везут!». Иногда машина застревала, люди шли и принимались толкать ее, помогая выбраться из очередной колдобины. Сейчас мы часто говорим, что жить трудно, но сравнивать наши трудности с тем, что довелось испытать людям во время войны и после нее, нельзя, это разные вещи, современная жизнь показалась бы тогда раем. Я помню, для меня был праздник, когда нам досталось почти ведро еще довоенного повидла, которое было обнаружено в бочке в одном из расчищенных подвалов, где раньше, видимо, находился магазин.

В течение нескольких лет в поселке не было водопровода. В нескольких местах были построены так называемые «кубовые» — это небольшой сарай и цистерна, в которую машинами завозили воду. Во время привоза воды собиралось много народа с ведрами и другими емкостями. Случались и перебои, тогда за водой ходили в овраги — к родникам.

С топливом тоже были проблемы, дрова и уголь надо было уметь достать. Я помню, что многие ходили по Устюжской улице к железной дороге, там где она пересекала овраг, который сейчас замывает песком (в этом месте паровозы чистили свои топки), и собирали не сгоревший до конца уголь. Весьма популярным тогда был керосин. Почти у каждой семьи был специальный самодельный бочок

из жести с пробкой, в котором хранился керосин. По городу было построено несколько лавок, торговавших керосином, одна из них находилась у Центрального рынка, другая — на «Балканах» (так называлось место примерно в районе ул. 7-й Гвардейской).

И еще об одном хотелось бы рассказать. В то время мне часто приходилось видеть плененных немцев, они использовались на восстановлении города. На «Втором километре» они строили каменные одноэтажные дома для железнодорожников. Это была достаточно большая строительная площадка, через которую я ходил с товарищами в школу. Сейчас я не помню, как охранялись на этой стройке военнопленные, но помню, что мы, да и остальное население, свободно общались с ними. Немцы знали уже многие русские слова, часто давали нам деньги и просили сходить в коммерческий магазин и что-то им купить. Они занимались побочным промыслом (тогда был большой дефицит на свадебные кольца, которые они умело изготавливали из медных и серебряных монет). Я не помню, чтобы население враждебно относилось к пленным, хотя оснований для этого у некоторых было много.

Я не хотел, чтобы создалось впечатление, что мое сталинградское детство было окрашено только в мрачные тона. Мы жили, играли, учились, носили красные галстуки, пели песни, получали двойки и пятерки. Мы были детьми, видимо, такими же непоседливыми, как и современные дети. Труднее было взрослым, которые оберегали нас, они на своих плечах вынесли все тяготы, может быть не лучшего, времени, в котором им досталось жить.

Записала А. Демидова